

**ПРЕЗУМПЦИИ И ФИКЦИИ КАК СРЕДСТВА
ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Е. И. Грузинская

Кубанский государственный университет, филиал в г. Новороссийске

М. П. Пронина

Нижегородская академия МВД России

Поступила в редакцию 17 мая 2019 г.

Аннотация: сформулированы базовые дефиниции презумпций и фикций, а также предпринята попытка их систематизации с учетом сформулированных в доктрине уголовного права позиций: предложена унифицированная классификация презумпций и выделены основные признаки фикций.

Ключевые слова: презумпция, фикция, уголовное законодательство, правовая категория, предположение, невозможная неизвестность.

Abstract: in the article the basic definitions of presumptions and fictions are formulated, as well as an attempt to systematize them taking into account the positions formulated in the doctrine of criminal law: a unified classification of presumptions is proposed and the main features of fictions are highlighted.

Key words: presumption, fiction, criminal law, legal category, assumption, irreplaceable uncertainty.

Говоря о правовых презумпциях как средствах юридической техники в уголовном законодательстве, отметим, что и они имеют большое значение в правовом регулировании уголовно-правовых отношений. Вместе с тем доктрина не однозначно относится к их наличию в уголовном праве, с чем в целом сложно согласиться. Полагаем, что только правовые презумпции позволят в полной мере рассмотреть комплекс средств юридической техники. В связи с этим считаем целесообразным остановиться на их рассмотрении.

В юридической науке под презумпциями понимается предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, закрепленное в нормах права, основанное на подтвержденном предшествующем опыте, однако научное сообщество при определении содержания правовых презумпций сформировало два подхода к их определению.

Первый – наиболее распространенный и относится к классическому. Основоположителем такого подхода является В. К. Бабаев, который соотносит презумпцию с универсальной категорией, используемой в различных областях человеческого познания. Основу презумпции составляет предшествующий опыт, однако при этом он соотносится не с достоверными, а вероятными предположениями, основанными на законах логики. Это обосновано тем, что в сходных ситуациях возникающие обществен-

ные отношения обладают одними и теми же чертами, поэтому о качестве и эффективности правовых презумпций, в первую очередь, свидетельствует их возможность достоверно отражать правовую реальность.

Второй подход, имеющийся в науке, определяет презумпцию как исключительно правовую категорию, т. е. как средство регулирования общественных отношений, исключающее использование логических приемов. Обосновывается это тем, что она должна рассматриваться как факт, определяющий наличие юридических обязанностей у специально уполномоченных на то субъектов, по признанию презюмированного факта установленным.

Каждая из вышеназванных точек зрения имеет право на существование, однако, экстраполируя их на особенности регулирования общественных отношений нормами уголовного закона, возникает ряд замечаний.

В частности, первый подход не позволяет объяснить такую презумпцию права, как презумпция невиновности и вытекающие из нее основополагающие принципы и институты уголовного права. Например, принцип вины, где отмечено, что лицо может быть привлечено к уголовной ответственности только за те деяния, в отношении которых установлена его вина. Это также может быть соотнесено с реализацией принципов действия уголовного закона во времени и пространстве (ст. 9–10 УК РФ), вменяемости (ст. 21 УК РФ) и другими основами уголовного права. Реализация таких основ не носит безусловный повторяющийся логический характер и не может быть основана на степени вероятности, а, напротив, является персонифицированной.

Второй подход следует признать более приемлемым при определении роли и значения презумпции в уголовном праве, однако, ставя во главу угла признание свершившегося юридического факта, игнорируется степень его возможной вероятности, что стирает одну из концептуальных особенностей такого средства юридической техники, как презумпция, тем самым размывая грань с фикциями, поэтому презумпция как средство юридической техники в уголовном праве должна представлять собой симбиоз философского и юридического подхода. На этом настаивают и представители современной науки, чью точку зрения автор разделяет.

Полагаем, что презумпция в уголовном праве имеет две неразрывно связанные между собой составляющие. В качестве первой, раскрывающей одну из концептуальных сторон презумпции, выступает ее логическая сторона. Эта часть представляет внутреннее содержание презумпции через закрепление предположения, основанного на определенной степени вероятности, доказанной жизнью и сформировавшимся опытом. В частности, вероятность привлечения лица, совершившего общественно опасное деяние, к уголовной ответственности напрямую зависит от установления его вины (ст. 5 УК РФ «Принцип вины»), что представляет собой особый вид логической деятельности, но при этом не нужно забывать, что установление вины носит сугубо индивидуальный характер, именно поэтому процесс установления вины не может быть абсолютно одинаковым.

Вторая составляющая презумпции закрепляет на нормативном уровне обязанность признавать презюмированный факт установленным. Изучая содержание ст. 5 УК РФ, приходим к выводу, что только при установлении вины субъекта можно получить юридические основания для привлечения его к уголовной ответственности, т. е. правоприменитель признает презюмируемый факт установленным до тех пор, пока не будет доказано обратное.

Презумпция закреплена и в ст. 20 УК РФ, четко определяющей возрастные признаки субъекта. Так, в случае совершения деяния, формально содержащего в себе признаки преступления лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, не влечет за собой возникновение уголовно-правовых отношений.

В развитие такого вида презумпции законодатель в ч. 3 ст. 20, ч. 1 ст. 31 и ч. 1 ст. 28 УК РФ закрепляет еще ряд ее разновидностей. В частности, мы говорим о невменяемости, возрастной невменяемости и казусе.

При этом совершение преступления в состоянии опьянения (ст. 23 УК РФ) не лишает виновного возможности осознавать характер общественной опасности совершаемых им действий, а также возможности руководить ими, что также выступает в качестве презумпции уголовного права.

Встречаются презумпции и при назначении уголовного наказания. Это касается установления верхнего предела санкции, так как законодатель не предусматривает оснований для назначения наказания выше высшего предела. Хотя указанное правило не относится к определению низшего предела, что не может рассматриваться как презумпция.

Говоря о презумпции в уголовном праве, необходимо подчеркнуть, что она не просто регламентирует предположение о наличии или отсутствии какого-либо юридического факта, но и предопределяет уголовно-правовую оценку общественно опасных деяний и в целом установление факта нарушения, установленного в Уголовном кодексе, уголовно-правового запрета, вытекающего из презумпции знания закона. Законодателю в данном случае безразлично, что не все субъекты, кому адресован закон, знают его. Это обусловлено тем, что презумпция знания закона является средством обеспечения правопорядка.

Современный УК РФ содержит значительное число норм, закрепляющих рассматриваемое положение. Так, главы 11 и 12 УК РФ устанавливают условия освобождения от уголовной ответственности и наказания, не предусматривают незнание закона в качестве одного из таких обстоятельств, т. е. рассматриваемая презумпция является общепризнанной, декларативной и универсальной и закон не дает оснований для ее опровержения.

Учитывая разрозненность и разноплановость закрепленных в УК РФ презумпций, в доктрине предпринимаются попытки по их систематизации.

Ю. Г. Зуев и Л. Л. Кругликов, исследовавшие данную проблему, предлагают авторскую систему уголовно-правовых презумпций, включающую

в себя двенадцать самостоятельных разновидностей. С. С. Тихонова относит к ним семь основных видов¹. Разработанные учеными подходы, раскрывающие содержание презумпций в уголовном праве, заслуживают внимания по причине определения и значительной роли в установлении преступности и наказуемости деяний. Единство представленных подходов выражается не только в выявлении однотипных видов презумпций, но и выделении их практически во всех основополагающих институтах Общей части уголовного права.

Предполагая возможность и дальнейшее выделение новых видов уголовно-правовых презумпций, считаем целесообразным создание более унифицированной их системы, дающей возможность оперативно трансформироваться в условиях видоизменяющегося уголовного законодательства.

С учетом значимости и роли презумпций в регулировании уголовно-правовых отношений предлагаем следующую их унифицированную классификацию:

- презумпция знания закона;
- презумпция вменяемости;
- презумпция невиновности;
- презумпция повышения или снижения уровня общественной опасности;
- презумпция отсутствия и утраты общественной опасности.

Предложив авторскую систему, хотелось бы раскрыть и ее специфику. При ее рассмотрении следует согласиться с мнением А. В. Грошева в том, что она включает в себя те идеи и принципы уголовного права, которые создают плацдарм для качественной реализации всего комплекса уголовно-правовых норм.

Вышеизложенное дает нам основание выделить следующие признаки правовых презумпций в области уголовного права.

Во-первых, презумпции в уголовном праве – это вероятное предположение. Например, лицо, совершившее преступление, вероятно, обладает всеми признаками субъекта, однако в зависимости от характера и степени общественной опасности, а также индивидуальных характеристик личности, степень вероятности признания его таковым может быть различной. Уровень вероятности предположений зависит от статистических закономерностей, приближающих к истине, но не гарантирующих безапелляционное достижение желаемого результата.

Во-вторых, презумпция в уголовном праве – это правовое положение, обязывающее законодателя закреплять его в УК РФ в виде самостоятельных нормативных предписаний.

В-третьих, презумпция в уголовном праве закрепляет особые юридические факты, имеющие юридическое значение для возникновения или прекращения уголовно-правовых отношений, влекущих определенные юридические последствия.

---

¹ См.: Тихонова С. С. Юридическая техника в уголовном праве : курс лекций. Н. Новгород, 2008. С. 122–131.

В-четвертых, презумпция в уголовном праве выступает в качестве юридического предположения и действует до тех пор, пока не установлено обратное.

В-пятых, вышеизложенное дает нам основание для признания презумпций регулятором уголовно-правовых отношений.

Отмеченные нами признаки представляют возможности для выделения значения уголовно-правовых презумпций: они представляют собой основополагающие начала уголовно-правового регулирования; влияют на законотворческий процесс при создании новых и совершенствовании уже существующих институтов и уголовно-правовых запретов; имеют регулятивное значение в области правоприменения и толкования норм уголовного закона.

Таким образом, уголовно-правовые презумпции в той или иной их части присущи всем элементам юридической техники в области уголовного права. Все это позволяет сформулировать дефиницию презумпции в уголовном праве – *это закрепленные в Уголовном кодексе РФ и основанные на вероятностных опровержимых предположениях факты, имеющие юридическое значение для возникновения или прекращения уголовно-правовых отношений и влекущие определенные юридические последствия.*

Правовая фикция в последнее время становится объектом все более пристального внимания, главным образом, в связи с интенсивным разрешением проблем юридической техники. Правовая фикция как прием юридической техники характеризует собой процесс отождествления истинного с неистинным, т. е. объявление несуществующего положения существующим. Данное содержание рассматриваемого приема подтверждается как его языковым толкованием (лат. *fictio* – вымысел, выдумка) – нечто несуществующее, мнимое, ложное, так и его пониманием в научной литературе.

Распространенность использования фикций в праве обусловлена формальной определенностью самого права, поэтому она в целом представляет собой норму права, регулируемую общественные отношения, возникающие в объективной действительности.

При этом особое внимание ученых-исследователей – теоретиков права занимали и продолжают занимать вопросы общеправового и отраслевого понимания юридической фикции, соотношения юридической фикции с иными, сходными с ней правовыми средствами, а также вопросы классификации юридических фикций и особенности действий, отдельных из них.

В теории права под фикцией понимают закрепленное в законодательстве несуществующее положение, признаваемое существующим и поэтому общеобязательным. Фикция выступает в качестве регулятора общественных отношений, используя при этом фиктивный способ, т. е. закрепляет на нормативном уровне несуществующее. Все это служит основанием для выделения следующих признаков правовых фикций:

– правовая фикция регулирует обстоятельства, находящиеся в состоянии невосполнимой неизвестности;

- применение юридической фикции происходит в случае наличия пробела в реальной действительности;
- фикции имеют статически изменчивый, деформирующийся характер;
- правовая фикция неоспорима, т. е. установленное ее правило носит сугубо императивный характер.

Сформулированные положения свидетельствуют о том, что юридическая фикция представляет собой императивный регулятор общественных отношений, главенствующей целью которой является недопущение совершения каких-либо действий или бездействия либо наступления четко определенных последствий.

Учитывая сложность и многогранность такого средства юридической техники, как фикция, необходимо отметить, что они могут быть как общественно полезными, так и общественно вредными. Именно поэтому особое распространение фикции получили в регулировании общественных отношений, направленных на охрану наиболее значимых их разновидностей. Законодатель, зная о вымысленности закрепляемых в законе положений, все же придает им свойства юридического факта. Например, использование при конструировании уголовно-правовых норм таких положений, как «не является преступлением», «считается несудимым», явно об этом свидетельствует.

Фиктивный характер нормативного предписания определяется не формой, а содержанием нормы права. Примером могут служить положения, закрепленные в ст. 14 УК РФ, закрепляющей два очень важных для уголовного права понятия «преступление» и «малозначительное деяние». Фиктивность, т. е. ложность этих норм, определяется наличием предположения о факте или событии, которое не доказано, а лишь предполагается, но его закрепление на нормативном уровне переводит ложность в статус общеобязательности, тем самым создавая такое средство юридической техники, как фикция. В этом вопросе следует согласиться с мнением К. К. Панько в том, что применение этого средства юридической техники обеспечивает стабильность правового регулирования в случаях установления невозполнимой неизвестности².

Сформулированная аргументация позволяет подразделить фикции на три самостоятельные группы.

Во-первых, это фикции, определяющие такие основополагающие категории уголовного права, как «преступление» и «малозначительное деяние». Так, именно общественная опасность и переводит деяние в разряд преступных при наличии вины и запрещенности его уголовным законом, однако это же деяние может быть оценено и полностью противоположно. Условием является отсутствие общественной опасности, т. е. установление такой абстракции, как «общественная опасность», придает деянию преступный либо непроступный характер.

² См.: Панько К. К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 40–41.

Используя такую фикцию, законодатель ограничил действие уголовного закона пределами, соответствующими основной идее уголовного закона, а также его принципам.

Например, в плоскости реализации принципов равенства граждан перед законом и принципа справедливости в ст. 18 УК РФ закреплена фикция, определяющая исключение из общего правила учета судимостей при рецидиве. Часть 4 ст. 18 УК РФ в императивной форме закрепляет возрастной ценз, не дающий возможности учитывать судимости, полученные до 18 лет. Такой подход реализован и при имплементации в УК РФ фикций, устанавливающих правила освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, погашения судимости да и в целом применяемых к ним видов и размеров наказаний (ст. 94–95 УК РФ). В данном вопросе автор констатирует существенную деформацию унифицированных правил, закрепленных в уголовном законе путем отрицания не только реально существующих в юридической действительности фактов, но и самих юридических последствий. Все это вполне оправдано. Гуманизация уголовной политики в области противодействия преступности несовершеннолетних – это вполне верный и социально обусловленный факт³.

Во-вторых, к разновидностям уголовно-правовых фикций следует отнести и институт освобождения от уголовной ответственности, по причине нарушения такой конструкции, как преступление – ответственность – наказание.

При освобождении от ответственности фикция влечет за собой нарушение вышеуказанного триединства, оставляя лишь преступление как основание применения одного из закрепленных в УК РФ института освобождения от уголовной ответственности.

Как средство законодательной техники фикция в рассматриваемом ее виде нацелена как на облегчение деятельности правоохранительных органов, так и всей системы уголовной юстиции.

В-третьих, фикции присутствуют и при определении правил освобождения от наказания. В данном случае законодатель отходит также от неразрывной связи преступление – ответственность – наказание. И в этом случае ее применение опять же нацелено на достижение положительных социально-правовых результатов, в первую очередь направленных на экономию уголовно-правовой репрессии. Это указывает на то, что государство предоставляет виновному заглавить причиненный вред без непосредственного применения к нему уголовного наказания.

Погашение или снятие судимости также является видом уголовно-правовых фикций. Фактически лицо, ранее совершившее преступление, не может быть признано ранее не привлекавшимся к уголовной ответственности. Теория стигматизации – яркий тому пример, однако реализованный в уголовном законе подход дает нам основание сделать

---

³ См.: Резиньков П. М. Юридическая фикция : теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2012. С. 53.

вывод о том, что последствия осуждения не могут сопровождать лицо на протяжении всей его жизни, поэтому современный кодекс включает в себя комплекс механизмов, аннулирующих их (ст. 86 УК РФ).

Полагаем, что вышеизложенное дает нам основание отметить, что еще одним предназначением фикции в уголовном праве служит гармонизация уголовного законодательства и дифференциация уголовной ответственности.

Говоря о фикциях в уголовном праве, следует рассмотреть и вопрос о видах составов преступлений по законодательной конструкции. В частности, наиболее распространенным является материальный состав, предусматривающий для оконченности преступления наступление общественно опасных последствий. Именно они и свидетельствуют, в большей степени, об общественной опасности деяния как главенствующего признака преступления. В целом эту концепцию признает и законодатель, формулируя дополнительные положения уголовного законодательства, основанные именно на материальных составах. Например, понятия прямого и косвенного умысла и др.

Но фикция наблюдается при конструкции формальных составов преступлений, так как в их рамках не требуется наступления общественно опасных последствий, т. е. уголовная ответственность наступает только за деяние, указанное в диспозиции статьи, при этом преступление признается оконченным вне зависимости от возможности наступления последствий. Примером может служить целая система таких преступлений. Например, все деяния, закрепленные в главе 18 УК РФ и посягающие на половую неприкосновенность и половую свободу личности (ст. 131–135 УК РФ), сконструированы по типу формальных составов⁴.

Отдельно хотелось бы отметить и усеченные составы преступлений, являющиеся разновидностью формальных. В их рамках оконченность преступления вообще сведена на стадии приготовления или покушения на преступление, т. е. лишь постановка в опасность общественного отношения, взятого под охрану уголовного закона, не просто признается преступной, но и уже оконченной формой противоправного деяния. Такой подход закреплен, например, в ст. 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования и участие в нем», ст. 209 УК РФ «Бандитизм» и т. д. Пленум Верховного Суда РФ разделяет эту позицию. В частности, п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о бандитизме» соотносит момент окончания преступления с фактом создания банды. Это свидетельствует о том, что за рамками состава остаются не только последствия, но и само общественно опасное деяние.

Завершая рассмотрение фикции как средства юридической техники, отметим, что, во-первых, ее уголовно-правовые разновидности могут рассматриваться как приемы юридической техники в области правотворче-

---

⁴ См.: *Пронина М. П.* Средства юридической техники в уголовном законодательстве // *Общество и право.* 2017. № 1. С. 58–64.

ства; во-вторых, они выполняют и функции по охране наиболее значимых общественных отношений. Уголовно-правовая фикция – это не только прием создания уголовно-правовых норм, но и юридическое средство регулирования уголовно-правовых отношений. Изложенное дает нам основание констатировать, что уголовно-правовые фикции имеют место на всех стадиях юридической деятельности в области уголовного права (законотворчество, правоприменение, толкование). Такой вывод делается только потому, что распространенность и роль уголовно-правовых фикций значительно возросла, и это повлекло за собой их значительное увеличение, а также повышение роли и значения в правовой сфере. Все это связано с реформацией правового регулирования, появлением в нем принципиально новых областей научно-теоретического знания.

Таким образом, *фикция в уголовном праве – это закрепленный в Уголовном кодексе РФ регулятор общественных отношений, находящийся в состоянии невосполнимой неизвестности, носящий сугубо императивный характер, направленный на гармонизацию уголовного законодательства и дифференциацию уголовной ответственности.*

Кубанский государственный университет, филиал в г. Новороссийске

Грузинская Е. И., кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин

E-mail: decanat-jf@mail.ru

Нижегородская академия МВД России

Пронина М. П., кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России

E-mail: press_nnovgorod@mvd.gov.ru

Kuban State University, Novorossiysk Branch

Gruzinskaya E. I., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Humanities Department

E-mail: decanat-jf@mail.ru

Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

Pronina M. P., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Research Center of the Academy of Russian Ministry of Internal Affairs

E-mail: press_nnovgorod@mvd.gov.ru